

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ МАКАРИЯ АНТИОХИЙСКОГО КАК ПАМЯТНИК АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Памятник, о котором я предполагаю говорить в настоящей статье, хорошо известен в русской науке. Мое сообщение претендует на новизну только в двух отношениях: оно пытается впервые определить место его в общем развитии арабской географической литературы и подвести некоторый итог тем данным об этом памятнике, которые не вошли еще в обиход нашей науки. Сообразно с этим изложение свое я строю последовательно в двух частях: сперва говорю о литературной истории памятника, а затем о его значении для нашей страны.¹

В развитии арабской географической литературы XVIII в. мы наблюдаем новый факт — появление произведений из христианско-арабской среды. Древнейшие памятники этой категории нам неизвестны и, может быть, не уцелели, что при условиях сохранения арабско-христианской письменности не представляет ничего удивительного. Наряду с большой и достаточно однообразной серией паломничеств в Палестину и на Синай, к XVII в. относятся два очень оригинальных путешествия: Ильи мосульского в Южную Америку² и почти одновременно с ним Макария антиохийского в Молдавию, Валахию, Украину и в Московию. Описание последнего по своему сюжету представляет исключительное значение для нашей истории и с этой стороны по достоинству оценено специалистами, хотя далеко не в полной мере еще исследовано.

Описание путешествия, составленное арабом-христианином, питомцем иной традиции, чем та, с которой мы обыкновенно имеем дело в арабской письменности, в литературном отношении стоит не высоко и с этой точки зрения едва ли найдет себе место в общем очерке арабской литературы.

¹ Дальнейшее изложение основано на соответствующем отделе давно подготовляемой мною работы об арабской географической литературе. Библиографические ссылки я опускаю до опубликования книги в целом.

² Характеристика этого памятника дана мною в статье „Первое арабское описание путешествия в Южную Америку“, Труды Московского института востоковедения, сборник № 4, Москва, 1947, стр. 39—93.

Создалось это описание в том „областном культурном гнезде“ Алеппо, о котором нам приходится так часто говорить, когда речь идет об этих веках, в той христианской среде, которая тогда еще не была затронута литературным возрождением, связанным преимущественно уже с XVIII в. Положение православного населения в смысле культурного уровня было значительно хуже, чем у тех слоев, которые вошли в соприкосновение с Римом и ориентировались на запад. Они могли опереться здесь на давнюю традицию и серьезную помощь как в школах, так и в развитии письменности. Еще до возникновения унии связь с Римом не прерывается, а начиная с XVI в. появляются и местные ученые или писатели, нередко прошедшие римскую школу.

Православное духовенство таких возможностей не имело. Своя литературная традиция у них прервалась давно и восстановить ее удалось значительно позже. Ориентированная в идеологических стремлениях на греко-византийскую письменность, она не имела центра, сколько-нибудь похожего на Рим, к которому могла бы тяготеть. Патриархат Константинополя по своему зависимому положению не давал прочной базы и не мог отчетливо представить стремлений, связанных с арабскими культурными течениями; балканские государства сами были слабы и мало устойчивы. С XVI в. взоры стали обращаться и к России, которая иногда оказывала материальную помощь. Если какие-нибудь культурные ростки в это время начинают слегка прорасти среди арабов-христиан, то главным образом благодаря наличию отдельных фигур, выдвинувшихся на руководящие посты, отдельных лиц, которыми владеют благие стремления просветительства, понимаемого, конечно, исключительно под углом зрения своей эпохи и среды. В искренности этих стремлений сомневаться не приходится; однако, носители их обладают малыми возможностями и еще меньшими знаниями. Образованность их сводится самое большее к простой грамотности на родном, арабском языке и к элементарному знакомству с греческим, позволяющему в лучшем случае, если не переводить, то излагать содержание произведений поздней византийской литературы.

К числу таких, проникнутых благими стремлениями деятелей принадлежал и Макарий, патриарх антиохийский, дважды приезжавший в Россию при Алексее Михайловиче (в 1654—1656 гг. и в 1666—1668 гг.), Макарийус Ибн аз-За'им ал-Халеби ал-Ан'аки, как он называется обыкновенно по-арабски. Уроженец северной Сирии, по происхождению из бедной духовной среды, в 1635 г. он был избран алеппским митрополитом, а 12 декабря 1647 г. антиохийским патриархом с резиденцией в Дамаске. Смолоду уже, по своим собственным словам, он чувствовал большой интерес к историческим произведениям, в особенности таким, которые неизвестны на арабском языке. Заботясь о просвещении своих соотечественников, он старался в меру возможности, сам или при содействии лиц, лучше знавших греческий язык, излагать отдельные главы или отрывки по-арабски. Большинство сохранившихся его сочинений и носит такой компилятивный характер; некоторое число их известно в автографах, нередко черногового характера. Отдельные его сборники представляют то, что мы бы назвали „общая тетрадь“, куда автор заносил без всякой системы все, что попадалось ему интересного в каждый данный момент, в виде отдельных статей или даже мелких отрывков и цитат. Многое относится здесь к истории церкви; в тех случаях, когда речь идет о Востоке, сообщения Макария нередко имеют значение первоисточника, в других — это компиляция по каким-нибудь греческим материалам,

не всегда точно называемым. Часто встречаются рассказы о фактах, непосредственно наблюдавшихся им во время путешествий, или передача слов каких-нибудь очевидцев. Все это производит впечатление спешных записей, которые делались наскоро и начерно, под неостывшим живым впечатлением и не всегда подвергались какой-нибудь дальнейшей обработке.

Путешествовать Макарию пришлось много, главным образом, по делам своей митрополии и патриархии. В 1642—1643 г. он совершил паломничество в Иерусалим, а до этого и после этого очень много ездил по различным округам Сирии. Патриархия была обременена долгами, приходилось думать о каком-нибудь выходе, прежде всего обычным путем сбора милостыни. Местное население само находилось в затруднительном положении, и взоры Макария по традиции восточного духовенства начинают устремляться за пределы Турции: на Балканы, на Украину и в Россию. Описание его первого путешествия сюда и сохранилось в отдельной книге, благодаря которой его имя получило почетную известность в географической литературе. Составлена она, однако, не им самим, а его сыном архидиаконом Павлом алеппским, по-арабски Булос ибн аз-За'им ал-Халебӣ (род. ок. 1627 г.), который с ранних лет сопровождал отца в его путешествиях, став в 1648 г. патриаршим архидиаконом. Благодаря своему положению он получил, вероятно, несколько более систематическое образование, но уровень его едва ли был высок. Во всяком случае, в противоположность отцу, он был выдающимся каллиграфом: до нашего времени дошел целый ряд переписанных им рукописей, говорящих о большом его мастерстве в этой области. Его собственные сочинения носят приблизительно тот же характер, что у Макария, переводов или компиляций на основе греческих источников. Исключительное место среди них занимает оригинальное большое описание первого путешествия патриарха в Турцию, Молдавию, Валахию, Украину и Московию.

У Макария были предшественники в этом путешествии из его земляков, сирийских арабов. При царе Федоре Иоанновиче в связи с вопросом об учреждении патриаршества приезжал в Россию антиохийский патриарх Иоаким Дуу' (1582—1592), тоже араб. В Москве он пробыл два месяца, с 17 июня по 11 августа 1586 г., совершив путешествие обычным маршрутом по суше через Малую Азию, Молдавию, Валахию и Украину. Существовало даже, как увидим, краткое описание его путешествия, но оно, к сожалению, до нас не дошло. Довольно долго пробыл патриарх во Львове, где 1 января 1586 г. издал грамоту львовской пастве на арабском языке, известную в науке. В Киеве в митрополичьих покоях Макарий и Павел видели его портрет с греческой подписью. Нужно сказать, что Павел имел смутное представление о том, когда происходила эта поездка: один раз он говорит, что это было „95 лет тому назад при царе Иване“, второй — более близко к действительности, что „с той поры прошло 72 года“. Противоречит он себе и когда говорит, что „больше никто [в Россию] не приезжал“.

Патриархом Евфимием (1635—1648) был направлен в Россию при Михаиле Федоровиче за сбором милостыни митрополит Аккара в Сирии Иеремия (уроженец Алеппо). Вымогательства воеводы в Путивле задержали его на границе и там он умер: могилу его в монастыре Богоматери около Путивля посетил сам Павел с Макарием.

Не исключена возможность, что толчком для путешествия в Московию послужило и нечто вроде личного приглашения. В 1652 г. проезжал

через Сирию, бывший уже не первый раз на Востоке, известный впоследствии келарь Троице-Сергиевской лавры Арсений Суханов, посланный из Москвы для „описания св. мест и греческих церковных чинов“. На обратном пути в Россию через Грузию он на один день (6 мая 1652 г.) заезжал в Дамаск, где „стоял у патриарха антиохийского“. Девятнадцатого он приехал в Алеппо, где провел около недели „на митрополичьем вкладном дворе“ и, конечно, имел возможность неоднократно беседовать с Макарием. Впоследствии он мог встретиться с ним еще в Валахии и принимал в Сергиевской лавре. В Москву Суханов вернулся только в июне 1653 г., а между тем Макарий уже через два месяца после встречи с ним в Алеппо начал свое затянувшееся на очень долгий и непредвиденный семилетний срок (1652—1659) путешествие.

Из Алеппо он выехал 9 июля и, после различных поездок по патриархии, 22 июля был в Антиохии. Дальнейший путь шел через Александретту, где путники были 5 августа. Адану (14 августа), опять с поездками в сторону для сбора милостыни. Конью (11 сентября) и Бруссу (28 сентября) на Константинополь, куда они прибыли 20 октября. Через два с небольшим месяца (7 января 1653 г.) они его покинули и морем направились в порт Констанцу (12 января). В Молдавии и Валахии им пришлось пробыть почти полтора года в связи со сменой господарей и военными событиями в стране; за это время они, между прочим, имели случай близко познакомиться со вскоре убитым в сражении сыном Богдана Хмельницкого Тимофеем. Только 10 июня 1654 г., переправившись через Днестр у Рашкова, им удалось покинуть пределы Молдавии и вступить в Украину. В Богуславе (22 июня) они встретились с гетманом Хмельницким, которого систематически называют основным именем „Хмѣль“, и 26 июня 1654 г. выехали в Киев. Он задержал их только на две недели до 10 июля, а 20-го они были на границе Московии в городе Путивле — единственном пункте, через который едущим с востока разрешалось вступать в пределы Московского государства. Двадцать четвертого они могли направиться дальше и второго августа были в Калуге. Известия, полученные здесь о моровой язве в Москве, заставили изменить дальнейший обычный маршрут, равно как и конечный пункт остановки, для которого была избрана Коломна. Одиннадцатого августа, подготовив речной транспорт, власти отправили патриарший караван по Оке, и он через Каширу и Голутвин был 17 августа благополучно доставлен по назначению. Моровая язва, потрясающие картины которой очень живо с нескрываемым ужасом рисует Павел алеппский, задержала патриарха в Коломне почти на полгода; только 30 января 1655 г. он мог ее покинуть и 2 февраля был в Москве в отсутствие Алексея Михайловича, занятого польской войной. Это оказалось одним из обстоятельств, продливших их пребывание в столице почти на 16 месяцев. За этот срок они побывали в ближайших и некоторых, сравнительно, дальних монастырях. Они ездили в Троице-Сергиевскую лавру, где 9 июля объяснения давал им Арсений Суханов, в августе и сентябре в Новгород с заездом в Иверский монастырь на Валдае. Обрато в Москву они вернулись 20 сентября, но дождались Алексея Михайловича из похода только 10 декабря 1655 г. Все время было занято либо посещением церквей и других достопримечательностей, либо совещаниями с патриархом Никоном по вопросам исправления церковных книг и других духовных дел.

Двадцать третьего марта 1656 г. они могли, наконец, в ужасную распутицу отправиться обратно на Калугу, но едва проехали Белев

и Болхов, как были возвращены царским гонцом с просьбой вернуться для участия в неотложных церковных совещаниях. Вторично они выехали из Москвы тем же путем уже 28 мая и 12 июня 1656 г. были на границе в Путивле, а 28-го — в Киеве. Проведя здесь опять две недели, по несколько иному маршруту они продолжали путь по Украине и 27 июля в Чигирине опять встретили Хмельницкого, а 15 августа переехали границу Молдавии у того же Рашкова. Пребывание в Молдавии и Валахии затянулось и теперь почти на два года: только 13 октября 1658 г. из Галаца они по Дунаю вышли в Черное море, а потом мимо Варны и Константинопольского пролива после тридцатипятидневного плавания достигли Синопа в Малой Азии. Через Токаг, Сивас и Мар'аш они вышли на прежний путь и, наконец, 21 апреля 1659 г. были опять в Алеппо, а 1 июля 1659 г. в „престольном граде“ Дамаске.

Маршрут первого путешествия Макария нам известен хорошо благодаря тому, что оно подробно описано Павлом алеппским. Не так обстоит дело со вторым (1664?—1669). Павел в нем тоже участвовал, но на обратном пути в 1669 г. умер в Грузии. Записи он, несомненно, вел и на этот раз, но не успел их обработать и никаких следов их до сих пор не обнаружено. Сам Макарий оставил по своему обыкновению только несколько отдельных глав-набросков. Обстоятельства, непосредственно вызвавшие это второе путешествие, кроме обычной необходимости сбора милостыни, нам неизвестны. Возможно, что и здесь имело место прямое приглашение на Собор для готовившегося суда над патриархом Никоном. Макарий продолжал поддерживать связь с Москвой, и по русским источникам мы знаем, что в 1662 г. здесь был его архимандрит Неофит, получивший подарков на 500 руб. Теперь он ехал вместе с александрийским патриархом Паисием.

Путешествие на этот раз шло тем путем, которым пользовались, когда надо было избегнуть Константинополя и юго-западных побережий Черного моря, через Кавказ, Грузию, на Астрахань и дальше по Волге; так возвращался и Арсений Суханов. Были у Макария и на этом пути прямые предшественники из сирийских арабов: лет за тридцать до него, в 30—40 годах XVII в., ездил в Грузию Пахомий, епископ Сайднāи (около Дамаска), как мы знаем из упоминания самого Макария в одном из его сочинений. Грузию арабы, вероятно, знали хорошо, и в начале XVIII в. уехавший туда митрополит Ма'лули (на Ливане) не пожелал даже вернуться на родину „из-за старости“, несмотря на специальных гонцов антиохийского патриарха, как нам говорит его грамота 1724 г. Когда выехал Макарий, на этот раз неизвестно; в Грузии он во всяком случае был в 7173 (1665) г., как упоминает об этом Павел в дополнениях к описанию первого путешествия, и даже в 1664 г., как удостоверяет одна его запись в грузинской рукописи, недавно обнаруженная в Тбилиси. В Астрахань они приехали во всяком случае только 21 июня 1666 г. и принимали участие в торжественном учреждении астраханской митрополии. Седьмого июля Макарий выехал отсюда через Черный Яр, Царицын, Саратов, Симбирск, Арзамас и Муром. Во Владимире он был 21 октября и, наконец, в Москве 2 ноября 1666 г. В декабре состоялось осуждение Никона, и Собор продолжал свою работу в 1667 г. Уехать из Москвы Макарий мог только 10 июня 1668 г. после полугодового пребывания и на этот раз. Обратный маршрут его шел тем же путем, и 10 августа он был опять в Астрахани, а в начале сентября двинулся дальше. Возвращение снова затянулось и было очень неудачно: в Шемахе он подвергся вымогательствам и прямому грабежу хана и только 4 февраля 1669 г. в письме московскому патриарху Иоасафу он сообщает о своем прибытии в Иверию. Двадцать

второго июня 1669 г. он пишет ему же все еще из Тифлиса, повествуя о дальнейших злоключениях, полной потери своего имущества и смерти архидакона Павла. Точная дата этого события не приводится, и некоторые исследователи по недоразумению принимают за нее дату письма. Заканчивается оно слезной просьбой о помощи; быть может, в связи с этим стоит сохранившееся в русских источниках свидетельство об отправке ему в 1669 г. подарков на 200 рублей с иеродиаконом Мелетием; вернее, однако, что Москва тогда не знала еще о постигших его на Кавказе злоключениях и считала вернувшимся домой. Произошло это в том же 1669 г., во всяком случае не позже 1670 г., так как известно письмо его в Москву от 30 августа 1670 г. уже из Дамаска. Сношения его с Московской продолжались: в 1671 г. с присланным от него митрополитом тирским и сидонским было отправлено 300 золотых червонных и соболей на 700 руб. Уж в следующем 1672 г. Макарий антиохийский умер 12 июня, на три года пережив своего сына и летописца Павла алеппского.

Как мы видели, у них были предшественники из земляков в необычном путешествии по России, однако, с ранней традицией географической литературы описание Павла алеппского не связано. Мусульманская линия ее была ему, естественно, чужда и, вероятно, не знакома; в христианской — выработанных образцов не было. Надо все же отметить, что как раз с путешествием упомянутого Иоакима связано одно произведение, которое Павел часто цитирует, но оно было совсем другого типа и другого объема. Этого патриарха сопровождал неизвестный нам ближе митрополит 'Исā, который составил в стихотворной форме 'касыды' описание его путешествия. К сожалению, до сих пор мы знаем это только по упоминаниям Павла, на которых и основаны все сообщаемые другими сведения. О самом авторе нам тоже ничего неизвестно. Стихотворная форма его произведения и эпоха — вторая половина XVI в. — позволяют высказать соблазнительное предположение, не есть ли „митрополит 'Исā“ тот самый „сказитель (ал-қаввāl) 'Исā ал-Хазār“ (соловей), который был в это время достаточно популярен в Сирии своими духовными „кантами“ на разговорном языке. К сожалению, и о нем сведения слишком сбивчивы и для сопоставления все еще не хватает данных. Между тем, рукописи его „исторической касыды“ с описанием путешествия, восходящие, повидимому к одному оригиналу известны, но аннотации каталогов чрезмерно скудны. Две из них, новые, находятся в Бейруте и по происхождению восходят к Алеппо, что опять интересно подчеркнуть. Шейхо в связи со своим обычным отношением к автору-мелькиту характеризует произведение, как „очень банальное описание церквей и монастырей России и Валахии“, не упоминая даже, что оно составлено в стихах. В совершенно аналогичном по содержанию сборнике касыда сохранилась в одной парижской рукописи, о которой сведений, к сожалению, не больше. По указанию Шейхо, она занимает всего пять страниц и значит была очень незначительного объема, однако цитаты, приводимые Павлом, говорят скорее за то, что отзыв Шейхо слишком скептичен, хотя и сам Павел относится к произведению с некоторой долей критики. Он говорит, что имел эту касыду при себе во время путешествия и испрашивал „милость божию“ для митрополита „всякий раз, как читал его поэму“. Вполне основательно он замечает: „Но могу сказать, что я, бедный, много превзошел его описание, ибо он составил едва одну тетрадь, а я написал большую книгу“. Его критика иногда направляется и на детали сообщения: приводя в рассказе об Успенском соборе цитату из него „о достопримечательностях этой страны“, он расширявает ее как бы

ограничительным комментарием, замечая не без некоторой иронии, что „нет колонн из черепах и иных, как он неверно описал ради того только, чтобы вышел правильным размер его касыды“. Здесь же он торопливо оговаривается, что не порицает его, но подчеркивает, что „все, что видел собственными глазами, то пересказал правдиво, описывая каждый предмет по порядку, дабы, если читатель представит его себе в своем уме, нашел бы таким, как будто сам его видел“. Расхождение в описании он объясняет наивно между прочим и тем, что Исї приезжал, когда государство было еще слабо, „мы же прибыли в нынешнее время, когда государство сделалось в высшей степени богатым“.

Что описание Исї в отдельных пунктах бывало достаточно подробно, говорят его цитаты об Архангельском соборе или царь-колоколе, но и здесь Павел вносит иногда фактические поправки; что сно не ограничивалось, как говорит Шейхо, описанием церквей и монастырей, показывают интересные замечания его о политике татар и ляхов, в которых Павел усматривает своего рода пророчество, относящееся к его времени. Вообще же он прав, и его книгу нельзя сравнивать с касыдой Исї не только в смысле объема, но и самого характера сведений и большой их точности. На помощь приходили здесь даже сроки пребывания: два года не то, что два месяца, и за это время Павел в значительной мере ознакомился с русским языком, так что для информации не нуждался уже в передаточных инстанциях. Вообще гостям приходилось обходиться, главным образом, греческим языком, с которым они постепенно во время путешествия привыкли справляться; изредка, но прикровенно они прибегали к турецкому, например в разговорах с сибирскими татарами и, вероятно, касимовским царевичем, хотя последний умел читать и по-арабски. Пользоваться им вообще путешественники избегали; турецкий язык вызывал со стороны „москвитов“ и презрение и подозрение, так как считался исключительно связанным с исламом и турками.

Редко приходилось нашим путешественникам встречаться с родным языком, но один случай очень оригинален. Земляком их оказался один московский воевода, занимавший этот пост в Кашире, Коломне и Серпухове. Он был уроженцем Дамаска, но еще мальчиком вывезен одним пашей сперва в Алеппо, а затем и в Стамбул, где подарен в рабы султану Мухаммеду III. Во время похода в Персию в 1616 г. он попал в плен, но потом бежал и занимал в Турции разные должности, вплоть до управления округами Хамā в Сирии и Набулус в Палестине, и даже начальствования дамасским караваном паломников. Во время похода на Польшу при Османе II (1618—1622) он опять оказался в плену, но тоже бежал, сначала в Киев, а затем к царю Михаилу Федоровичу, крестился и остался здесь на службе. Павел добавляет, что он был знатоком арабского языка; при их отъезде он был снова назначен воеводой в Каширу и всегда отличался большой справедливостью.

Среди московских переводчиков обыкновенно не бывало людей, специально знакомых с арабским языком. Павел пишет, что „при вратах царя есть семьдесят переводчиков, знающих все языки, но арабского не знают“. Исключения, однако, попадались: „У царя есть люди из пленников, которые делаются переводчиками. Один из них — знающий двенадцать языков: арабский египетского наречия, турецкий, греческий и франкский, а родом он москвит“. Сам Павел к концу своего пребывания настолько свободно мог общаться по-русски, что патриарх, царский наместник и другие „везиры“, как выражается он, предлагали ему остаться переводчиком по арабскому языку. Конечно, это говорилось, вероятно, в шутку, но во всяком случае

показывает, насколько Павел отличался почти от всех иностранцев, приезжавших в Россию.

Независимость его информации от промежуточных инстанций, не в меньшей степени, чем независимость от литературной традиции, немало способствовали тому, что описание получило оригинальный, очень живой и непринужденный характер. Это — непосредственные записи впечатлений, делавшиеся день за днем и не всегда тронутые даже последующей редакторской обработкой. Может быть, как на некоторый литературный прием приходится смотреть на упоминание в предисловии о том, что записки начали составляться по настоянию одного друга — диакона Гавриила, сына Константина, хотя автор созвучал всю трудность стоящей перед ним задачи и неоднократно к ней возвращается в разных местах описания. Сам по себе факт такой просьбы настолько, однако, естественен, что в нем можно видеть отражение и действительного случая; диакон Гавриил представляет вполне определенную историческую личность из очень известной и в литературе фамилии ас-Са'иг. Свои ежедневные записки Павел начал вести почти с первого же дня и продолжал до самого возвращения на родину. Записки эти постепенно накапливались; долговременное пребывание на одном месте позволяло Павлу заниматься не только перепиской рукописей, многие из которых сохранились, но и приведением в порядок „отдельных листов“. Обработка соответствующих частей началась еще в Москве и незадолго до выезда оттуда в феврале 1656 г. сильно подвинулась вперед, захватив то, что было написано почти за год до этого срока. Возникла, таким образом, как бы предварительная, первая редакция, вероятно, сравнительно краткая: сам Павел смотрит на нее так, мечтая по возвращении в свою страну переписать книгу еще раз. Эта мечта осуществилась; осуществилась и вторая, значительно расширенная редакция, которая была завершена, как естественно предполагать, до второй поездки в Московию. Однако работа и этим не ограничилась: в книгу продолжали вноситься дополнения и позже, даже во время второго путешествия и пребывания на Кавказе, как об этом говорит и сам Павел, иными словами почти до его смерти в 1669 г. Нетрудно видеть, что литературная история памятника достаточно сложна: мы имеем по меньшей мере две редакции — краткую или черновую и полную с позднейшими дополнениями к ней в течение десяти лет. Возможно, конечно, еще наличие различных сокращений, обработок и редактур, выполненных другими лицами при жизни или после смерти автора. Этим и объясняются расхождения между известными до сих пор рукописями, филиация которых, как увидим впоследствии, остается в науке до наших дней далеко еще не выясненной.

Язык произведения Павла мы можем оценивать, конечно, только с учетом того уровня, на котором находилась в эту эпоху вообще христианско-арабская литература. Уровень этот был, по существу, невысок. На примере Или мосульского мы видим, что даже представители арабоязычных христиан, которые ориентировались на Запад, которые имели более легкий доступ к старой арабской традиции, а иногда и возможность получить несколько систематическое школьное образование, все же полного владения литературным языком не приобретали. Даже среди них известное „возрождение“ началось почти веком позже и связано в значительной мере с деятельностью аleshинца маронита Германа Фархата, который родился (1670) через год после смерти Павла, за два года до смерти Макария. Те круги, к которым принадлежал последний, были предоставлены самим себе и поддержки со стороны в смысле просвещения не имели. По целому ряду признаков мы можем предполагать, как уже отмечали, что

в отношении образования Павел стоял выше Макария, но все же не настолько, чтобы чувствовать себя свободно в литературном языке. Некоторые произведения мусульманских писателей он, несомненно, читал: у него есть, например, ссылки на историю Ибн Тагриберди, однако начитанностью, которая дала бы возможность усвоить среднюю литературную „koine“, он не обладал, как и его отец. Писать он, конечно, старается на литературном языке; нормой для него является духовная литература арабов-христиан этой эпохи и в общем он ей удовлетворяет. Но когда изложение делается живее и непосредственнее, Павел не может с ним справиться и переходит почти на разговорный язык, не только в смысле синтаксиса, но очень часто и грамматических форм. Язык его насыщен диалектизмами и вульгаризмами; в этом для нас большое его достоинство, так как он, хотя и через призму условной арабской транскрипции, дает представление о разговорном стиле этой эпохи. Однако, в этом же заключены и не малые трудности: для понимания его надо обладать некоторым знакомством с диалектом сирийских арабов. Хуже всего то, что на языке Павла отразилось некоторое представление его о высокой 'прециозной' прозе, идеалом для которой он считает рифмованную речь. В различных отступлениях или особо торжественных случаях он упорно пытается прибегать к ней, вызывая частью убогое, частью комическое впечатление. Рифмой он снабжает диалектные формы, создает просто неправильные образования, совершенно насилует обычный для него язык и, конечно, не достигает желаемых эффектов. Ряд многочисленных и ярких примеров подобрал Х. Заййāt, и приходится пожалеть, что Павел не всегда остается в пределах нормального для него языка, который в таких случаях является для нас все же ценным памятником. В этом вина не его, а его эпохи.

О значении памятника в области географии в широком смысле по его содержанию и фактическим данным много говорить не приходится: об этом существует обширная литература, главным образом, на русском и румынском языках, а в последние десятилетия и на арабском. Свода ее, к сожалению, не имеется даже применительно к русским работам, так как книга А. Голосова (1916 г.) не закончена и в этом отношении носит дилетантский характер. Макарий проезжал по таким странам, которые за эту эпоху не нашли другого отражения в арабской литературе; если исключить более известную Малую Азию, то ни Молдавия, ни Валахия, ни Украина, ни Русь нигде не имеют такого обстоятельного описания со значительными иногда экскурсами в прошлое. Благодаря медленному передвижению и значительному сроку пребывания, он имел возможность близко узнать крупнейших политических деятелей эпохи — гетмана Хмельницкого, царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, не говоря про десятки более мелких фигур, игравших в разных областях очень значительную роль. Он оказался как бы очевидцем великих событий — воссоединения Украины, войны с Польшей, начального момента в истории старообрядчества, моровой язвы. Для политической и духовной истории своего времени книга Павла алеппского благодаря этому — не менее важный источник, чем для географии.

Конечно, нельзя забывать, что для самого автора не эта сторона стояла на первом плане: он вращался преимущественно в придворной и духовной среде, центр его внимания устремлялся на религиозную жизнь, то есть именно ту область, которая была закрыта и недоступна, а еще чаще и совершенно непонятна для западных путешественников, приезжавших в Россию. В этом отношении „Сафрат“ или „Рихлат Макарийус“ является памятником, единственным в своем роде, хотя и достаточно специфического харак-

тера, но захватывающим все стороны церковной жизни. Некоторые данные сохраняют свое значение и до настоящего времени: таковы, например, очень подробные сообщения Павла по церковно-археологическим вопросам, которые представляют первостепенный интерес для истории древнерусского искусства. Он не ограничивается только архитектурой, давая подробное описание церквей и колоколен; такое же внимание он уделяет иконографии, детально анализируя важные отличия южнорусской живописи, и с такой же точностью останавливается на стенописи, которая особенно его восхищала. Для многих памятников его сообщения представляют не только историческое значение, но иногда остаются единственными свидетельствами самого их существования.

Большой вес имеют обстоятельные рассказы Павла и про литургическую сторону церковной жизни, в которых он касается не только самой службы в тесном смысле слова, но и вопросов чтения и пения, представлявших резкие отличия сравнительно с тем, что было ему известно на родине. Долгий срок пребывания и здесь пошел на пользу точности и полноте описаний: за время нахождения в Москве Павел мог наблюдать не только обычные службы — всенощную и литургию, но и весь цикл великопостного и пасхального богослужения, равно как целый ряд иногда достаточно редких случаев частного богослужения, начиная с чина почти всех таинств и кончая чином венчания царей на царство, который он видел при избрании нового господаря в Валахии. К вопросам пения, о котором Павел тоже говорит очень подробно, и Макарию пришлось иметь близкое касательство: и в этой области на Украине и в Московии тех лет замечалось большое движение; его подпись имеется, между прочим, под грамотой о введении партесного пения в России, воспроизведенной в 1915 г. в печати. Грамота относится же ко второму приезду патриарха в Москву в связи с собором 1666—1667 г.

Конечно, многие из деталей, приводимых Павлом, представляют ограниченный интерес для специалистов в определенных областях, но даже при его увлечении некоторыми сторонами жизни нельзя забывать, что изложение его везде разворачивается на фоне широкой общей картины, где видна и природа, где чувствуются живущие в стране люди, где отражается вся действительность, в непринужденном безискусственном изложении, иногда несколько наивном, но всегда непосредственном, часто нелишнем юмористической окраски. В этом общее значение памятника, если и не представляющего выдающегося произведения высокой литературы, то во всяком случае занимающего свое место с честью; оно может быть признано и оригинальным, и, несомненно, интересным.

Изучение его и с филологической и с общекультурной точки зрения далеко еще не закончено, а наоборот, особенно в первом отношении, не вышло даже из начальной стадии. Отчасти это объясняется довольно медленным знакомством Европы с рукописями оригинала. Первой стала известна в 20-х годах прошлого столетия та, которая теперь находится в Британском музее. Она датирована 1765 г., была приобретена в Алеппо в 1824 г. и сыграла большую роль, так как на ней основан перевод Бельфура, вышедший в 1829—1836 гг., с которым связаны почти все работы о Макарии, в том числе первые русские. Выборки из его перевода (W. Palmer — L. Riding) переиздавались в Англии еще и через сто лет, в 1936 г. К началу 20-х же годов относятся сведения об одной рукописи, писанной каршунй (сирийскими буквами), которую видел Сенковский в 'Айн-туре (на Ливане) у своего учителя, известного маронитского ученого Антония 'Ариды. До сих пор это сведение не подтвердилось и никаких

следов такой рукописи не обнаружено. В России рукописи стали появляться только с конца 40-х годов, благодаря стараниям различных лиц, обративших внимание на важное значение памятника для нашей истории, причем все три известных экземпляра представляют копии, снятые с одного и того же оригинала 1700 г., находившегося тогда в Дамаске: копия 1847 г. принадлежала б. Учебному Отделению Министерства иностранных дел (теперь Институту востоковедения), копия 1849 г. — Публичной библиотеке в Ленинграде, копия 1859 г. — б. Главному архиву МИД. На основе главным образом последней был выполнен перевод Г. А. Муркоса (1896—1900). В конце XIX в. в Парижскую Национальную библиотеку поступила с коллекцией Шефера не датированная рукопись, относящаяся, несомненно, к XVII в.: она писана двумя почерками, причем основной некоторыми признается за автограф Павла, что возможно, хотя и требует еще окончательной проверки, вполне осуществимой путем сличения с имеющимися у нас его несомненными автографами. Эту рукопись кладет в основу своего французского перевода румынский ученый Б. Раду, опубликовавший первый выпуск. В конце 90-х годов А. Е. Крымский вывез из Сирии дефектный экземпляр сокращенной редакции в рукописи XVIII в. Составление этого сокращения принадлежит не самому Павлу, а относится уже к следующим поколениям. Частичное сопоставление его с более полной редакцией было произведено А. Олесницким, а в Украинской Академии наук хранится полный перевод, подготовленный Т. Г. Кезма. После Октябрьской революции в библиотеку Института востоковедения поступила рукопись 1700 г. — оригинал всех трех, находившихся, как отмечено, в России. До сих пор только в слабой степени она была привлечена Б. Раду в прологе к его изданию (1927). Благодаря сирийскому ученому К. Баша стало известно еще о существовании рукописи в Алеппо с датой 1750 г.; по его словам, она более всего совпадает с парижской. Таким образом, из всех этих материалов самостоятельное значение представляют, повидимому, только три рукописи: парижская, ленинградская 1700 г. и лондонская. Выше всех по достоинству, повидимому не без основания, Раду ставит парижскую, однако лондонская дает наиболее полную редакцию; весь вопрос соотношения их между собою, равно как отношения к ним рукописи Крымского и алеппской, должен быть рассмотрен филологически с привлечением всего материала. Раду сделал в этом направлении только первый шаг.

То же самое приходится повторить об изучении книги Павла антиохийского в целом: до сих пор не существует полного перевода, который можно было бы назвать критическим, как не существует и суммирующей работы, которая подвела бы итог сделанному. Толчком к первому ознакомлению Европы с этой книгой послужил, как мы упоминали, перевод Бельфура: на нем основаны и первые русские работы, представлявшие частичные переводы или отдельные статьи. Раньше всех откликнулся на него ученик Сенковского, известный археолог и нумизмат П. Савельев, который в „Библиотеке для чтения“ за 1836 г. поместил довольно значительные выдержки еще до того, как было закончено издание Бельфура; его вводные замечания и комментарий сделали эту статью одной из наиболее ценных для раннего периода. Дальнейшее оживление интереса к книге Павла алеппского наступило в 70-х годах, когда вышли основанные на том же источнике переводы и статьи по частным вопросам Л. П. Рушинского (1871), Д. Благово (1875—1876), Аболенского (1876) и ряд более мелких. Вообще до появления в 90-х годах статей и перевода проф. Г. А. Муркоса Бельфур продолжал оставаться у русских историков единственно доступной

базой для знакомства с путешествием Макария. Такую же роль он играл за это время и в румынской науке. Любопытно отметить, что первый частичный перевод Негруцци (1862) восходил к извлечениям Савельева, переводы академика Б. П. Хыждеу (1865) и Чоран (1900) основаны на Бельфуре. В 80-х годах три отрывка были переведены непосредственно с арабского (вероятно на основании рукописи Британского музея) М. Гастером. В румынской науке вообще данные Павла пользуются очень большим авторитетом и, как констатирует А. И. Яцимирский, „едва ли можно найти какое-нибудь серьезное исследование по истории Румынии без ссылок на путешествие архид. Павла“.

С начала 90-х годов стали появляться отдельные заметки, связанные с произведениями Макария, и отрывки его путешествия в переводе Г. А. Муркоса, уроженца Дамаска; они открывают как бы второй период в изучении книги Павла алеппского. Эти публикации явились подготовительной стадией для полного перевода, который был выпущен им в пяти томах в 1896—1900 г. с различными дополнительными материалами. Будучи арабом по происхождению из Сирии, получившим высшее образование в России, в одинаковой мере владея и арабским и русским языком, Муркос имел много преимуществ для работы над этим произведением; его перевод стоит несравненно выше труда Бельфура. Иногда ему все же вредило отсутствие строго филологического научного метода, а еще больше пользование только самой поздней рукописью. В настоящее время с открытием рукописей парижской и особенно ленинградской 1700 г., оригинала той, по которой он вел свою работу, его перевод в целом приходится считать в значительной мере устаревшим. Печатные отклики на него в русской и румынской печати были очень многочисленны и обыкновенно сочувственны, но сколько-нибудь крупных работ на русском языке относительно самого путешествия с той поры не появлялось. Характер полезной сводки носят собранные А. Е. Крымским в отдельном выпуске (1913) статьи из „Древностей Восточных“, где впервые даны между прочим сведения о принадлежавшей ему рукописи сокращенной редакции. Полезной по специальным вопросам археологии, искусства и литургики является основанная на переводе Муркоса работа А. Голосова (1916), но она осталась неоконченной, а по отношению к предшествующей литературе обнаруживает иногда дилетантский подход и неполную осведомленность, которая в известной мере объясняется работой в провинции.

Несколько увеличилась за XX век арабская литература о Макарии и Павле, в которой надо выделить главным образом ряд частичных статей и замечаний Хабиба Заййата. Издание К. Баша вводной части путешествия, данное (1912) на основе парижской рукописи с некоторым привлечением алеппской, как показал анализ Заййата, приходится признать мало удовлетворительным. Известный прогресс за последнее время обнаружила опять румынская наука. Если румынский перевод по парижской рукописи, начатый Попеску Чоканель (1903), остановился на первом выпуске, захватил только описание путешествия по Малой Азии и выполнен, судя по анализу его земляка Б. Раду, плохо, то последний подготовился к своей задаче более серьезно. Долголетнее пребывание в Париже дало ему возможность хорошо познакомиться с парижской рукописью, которую он положил в основу своей работы над изданием текста и французского перевода; кроме нее, он пользовался и лондонской и ленинградской 1700 г. В 1927 г. он выпустил первую часть как бы „пролегомен“ к подготовительной работе, в которой сообщил подробные сведения о трех важнейших рукописях, с попыткой установить на основании текста преимущество парижской рукописи

перед лондонской и ленинградской, а затем дал анализ существующих переводов (в том числе Муркоса) на разборе частей, относящихся к путешествию по Малой Азии, Молдавии и Валахии. В первом отделе — о Малой Азии им приведены в тексте и переводе те пропуски сравнительно с рукописью Британского музея, которые сделал Бельфур (а вслед за ним Муркос, если соответствующие места отсутствовали в его московском источнике). В связи со всеми этими материалами работа Б. Раду оказывается, несомненно, полезной и из нее придется исходить при дальнейших текстологических исследованиях. Основным недостатком ее является неполное знакомство с русскими работами и, быть может, несколько преумноженная оценка ленинградской рукописи. В 1930 г. появился первый выпуск текста и перевода, подготовленных на основе тех принципов, которые изложены в прологе. Когда работа будет закончена, она, несомненно, откроет новый этап в изучении труда Павла александрийского. Преждевременно, конечно, судить, в какой мере удовлетворительно будут выполнены части, посвященные Украине и Руси, которые представляют для Раду значительно большие трудности, но все же можно предполагать, что и в лучшем случае на наших ученых останется долг объединенными усилиями историков и арабистов дать исчерпывающую работу о Макарии и Павле, а в первую очередь действительно критическое издание хотя бы тех отделов, которые непосредственно относятся к нашей стране.

Для этого надо будет привлечь и другие произведения, уже не столько Павла, сколько самого Макария, которые имеют отношение к географии. Их не так много и в большинстве они носят хорошо знакомый нам характер предварительных компиляций или черновых записей в „общих тетрадах“. Наиболее известны и значительны его заметки относительно Грузии, составленные во время второго путешествия в Россию; они были дважды изданы: в арабском тексте с французским переводом О. С. Лебедевой (1905) и с русским — П. К. Жузе (1905). В основу обоих изданий была положена ватиканская рукопись 1756 г., которая содержит ряд мелких произведений Макария — переводов с греческого, компиляций и набросков. Между собой по содержанию обыкновенно они ничем не связаны, но имеют сплошную нумерацию, по которой отрывки о Грузии названы главой 28—31-й. Содержание их посвящено тоже преимущественно вопросам церковно-религиозной жизни, но количество бытовых и чисто географических подробностей так же велико, как в большом описании Павла. Об издании Лебедевой и Жузе приходится сказать то же, что о труде Муркоса: для своего времени они представляют очень полезную работу и дают возможность судить о характере сообщаемых сведений, но теперь, с поступлением в Институт востоковедения автографа всех этих произведений Макария, требуется, конечно, новое издание. Оно должно быть выполнено арабистом с учетом параллельных грузинских материалов и с обращением особого внимания на язык Макария, который в значительно большей мере, чем у Павла, насыщен диалектными особенностями. Можно надеяться, что этим требованиям удовлетворит работа тбилисского ученого Г. В. Церетели, которая подготовлена к печати.

Тот же сборник Макария говорит нам, что в своих общих географических представлениях он находится главным образом под влиянием византийских источников: у него имеется статья „О больших островах на море“, „О природе Сирина и птиц, поминаемых в Псалмах“ и т. д. На основании тех же материалов составлял он и хорошо известное нам по другим образцам того же типа „Описание Рима“, сохранившееся в рукописях. Эти книжные источники во всяком случае отнюдь не ослабляли живого интереса

к виденным странам и сейчас же вызвали стремление познакомиться земляков с историей и географией неведомых для них народов: Павел во время вынужденного чумой пребывания в Коломне писал историю Василия, господаря молдавского, его походов и войн, как говорит сам в заметке на одной переписанной им же в это время рукописи; Макарий, вероятно, при таком же невольном досуге в Грузии, составлял историю Валахии, а в Тбилиси написал статью о завоевании Константинополя. Все это говорит нам, что оба они — и Макарий, и Павел — были люди живые с живым интересом к книжному просвещению тех, кто читал по-арабски, как они понимали это просвещение, за что заслуживают благодарной памяти своих земляков. Большое же „Путешествие Макария“ и теперь для нас остается памятником выдающегося значения.
